

Н. принадлежит к тем писателям, которых М. Цветаева называла «писателями без истории». Трудно говорить о какой-либо эволюции в ее прозе, она почти всегда пишет о своем внутреннем состоянии, которое, по-видимому, дано ей с рождения. В повестях «**Ад как да, ад как да**» (1986), «**Видимость нас**» (1988) «**Побег — про бег**», «**Около Эколо**» (1990), «**Великое кня...**» (1991) и др. постоянно воспроизводится один и тот же странный мир, где перемешаны осколки быта и бытия: то разноцветные и даже веселые, то грязные ироничные. Стиль Н. основан на своеобразном ритме, который переменчив, многообразен. Именно он ведет за собой лексику, стилистическую конструкцию, осложненную повторениями, прихотливыми метафорами, соединенными с обыденной фразой, вульгарным словом, постоянными вопросами, на которые никто не отвечает. Рефлексия персонажей незаметно переходит в рефлексию автора, и в этом потоке нескольких сознаний уже трудно обнаружить какую-либо ценностную сущность. Поэтический образ незаметно отрывается от смыслового контекста.

В 1996 появляется в печати первый роман Н. «...и путешествие». Метафора путешествия отражает одну из особенностей поэтики Н., которую часто используют и др. писатели. Классическому мотиву придается статус философского «скольжения» по метафизическим и трансцендентным точкам, которые обретают свое отражение и в той необычной реальности, где существуют герои. Классика в качестве разных эмблематических фигур постоянно присутствует в произведениях Н. Она признавалась: «Когда я начинаю думать, чего мне не хватает в каком-то из моих произведений, я начинаю думать не от своего лица, а от лица живых и даже умерших любимых писателей, потому что умерших любимых — больше, чем любимых живых, как раз это грустно — относительно мертвых и живых. И я начинаю думать, что вот, например, Набокову это могло бы и не понравиться, но хоть что-нибудь одно вдруг бы понравилось... Но вот Пушкину точно бы не понравилось. Потому что он простой и ясный. А вдруг ему, простому и ясному, понравилось бы сложное и неясное» (**Новые амазонки**. М., 1991. С. 180). Среди писателей, которые поразили ее творческое воображение, Н. называет Якоба Беме, Мейстера Экхарта, Михаила Кузмина, Ф. М. Достоевского, Н. Гоголя, В. Набокова, Селина, Генри Миллера.

Творчество Н. в начале 1990-х воспринималось «не как фраза пресыщенного эстетата,

но как крик отчаяния потерянной и доверчивой души», пережившей пошлость и ложь тоталитаризма (Знамя. 1990. № 9. С. 224). В конце 1990-х ее имя прочно связывается с постмодернизмом и включается во все библиографии по разделу постмодернистского творчества. Однако о ней пишут критики мало, включая ее произведения в «блоки» то «женской прозы» (сб. «Новые амазонки», «**Не помнящая зла**»), то «эпатажной», то соединяя ее повести и рассказы с любым из представителей постмодернизма. Книжки Н. издаются в Амстердаме, Париже, Франкфурте.

Помимо лит-ры Н. занимается живописью. Ее персональные выставки устраивались в Лит. ин-те (1984), Лит. музее (1993), в Галерее «Семь гвоздей» (1995), в Музее Джерси-Сити (Америка, 1996).

Соч.: *Равновесие света дневных и ночных звезд* // Юность. 1988. № 8; *План первого лица и второго* // *Встречный ход*: сб. М., 1989; *Около Эколо* // Юность. 1990. № 3; *Побег — про бег* // *Знамя*. 1990. № 5; *Видимость нас* // *Видимость нас*: сб. М., 1990; *Ад как да, ад как да* // *Не помнящая зла*: сб. М., 1990; *Великое кня...* // Юность. 1991. № 12; *Страсти по литературе* // Юность. 1994. № 9; ...и путешествие: роман // *Знамя*. 1996. № 6; *Девочка показывает*: Из сборника эссе // *Знамя*. 1998. № 3; *Автобиография* // *Автобиографии современников*. Писатели России. М., 1998.

Лит.: *Битов А.* [Вступ. статья] // Юность. 1988. № 8; *Ажигина Н.* Разрушители в поисках веры // *Знамя*. 1990. № 9; *Совр. проза: пейзаж после битвы* // *Вопр. лит-ры*. 1995. № 4; *Новиков В.* Язык до Франкфурта доведет. А до Москвы? Маршруты Валерии Нарбиковой // *Общая газ*. 1995. 7–13 сент.; *Галина М.* Лит-ра ночного зрения. Малая проза как разрушитель мифологической системы // *Вопр. лит-ры*. М., 1997. № 5; *Фатеева Н. Ф.* «Мусор» и «антикрасота» как эстетические категории (на материале прозы Валерии Нарбиковой) // *Studia litteraria Polono-Slavica*. Warszawa, 1999. № 4.

Т. М. Вахитова

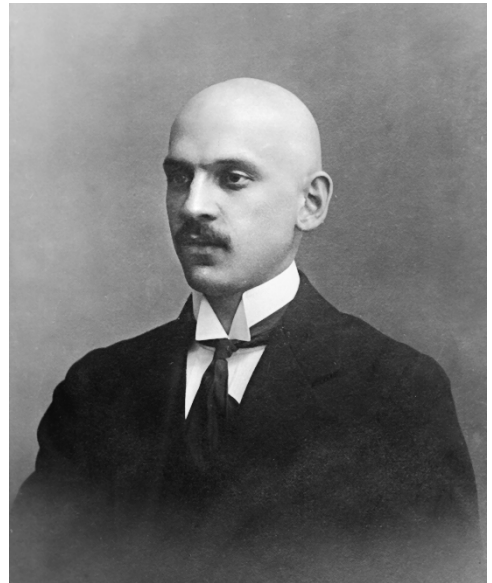
НАРБУТ Владимир Иванович [2(14).4.1888, хутор Нарбутовка Глуховского у. Черниговской губ.— расстр. 14.4.1938, Магаданская обл.] - поэт, прозаик.

Брат известного художника, графика и иллюстратора Г. И. Нарбута. Родился в семье мелкого помещика. В 1906 окончил глуховскую классическую гимназию и в том же году поступил в Петербургский ун-т. Здесь вместе с братом Н. становится активным участником «Кружка молодых» — лит.-худож. объединения, организованного среди уни-

версантов С. М. Городецким. В 1911 кружок издавал еженедельный иллюстр. «журнал литературы, искусства, науки и студенческой жизни» «*Gaudeamus*» (оба брата Нарбуты вошли в редакцию ж.). Ж. ставил целью «служение вечным идеалам... стремление к «чистому искусству». Из-за «индифферентного отношения молодежи» к вопросам «чистого искусства» (так сообщала редакция) ж. просуществовал лишь несколько месяцев, но за это время редакторам удалось привлечь к сотрудничеству А. А. Блока, Вяч. Иванова, Н. С. Гумилева, А. Н. Толстого, М. А. Волошина. Сотрудничество в «Кружке молодых» и в ж. «*Gaudeamus*» позволило Н. войти в круг молодых писателей-модернистов, готовивших в эти годы «бунт» против «старшего» поколения символистов: с 1910 Н. участвует в собраниях на «Башне» Вяч. Иванова, в заседаниях «Академии стиха», а после конфликта Гумилева с Вяч. Ивановым и раскола «Академии» входит в гумилевский «Цех поэтов» (1911).

Раннее творчество Н. во многом превосходит его акмеистические произведения. Так, В. Я. Брюсов, оценивая первый стихотворный сб. Н. («**Стихи. Кн. 1**», 1910), писал: «...Нарбут выгодно отличается от многих других начинающих поэтов реализмом своих стихов. У него есть умение и желание смотреть на мир своими глазами, а не через чужую призму. Ряд метких наблюдений над жизнью русской природы рассыпан в его книге» (Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 338). Тем не менее тот же Брюсов справедливо отмечал в нарбутовской «описательности» ранних стих. как стилистическую, так и тематическую аморфность: «...У г. Нарбута не чувствуется любви к стиху; стихами он выражается словно на чужом, нелюбимом языке. Кроме того, г. Нарбут с каким-то скучным безразличием относится ко всем темам своих стихов. Ему словно все равно, о чем ни писать: подметит что-нибудь в вечере — напишет о вечере; заметит особенность в наступлении бури — сложит строфы о буре» (Там же).

Подлинный, самостоятельный стиль Н., равно как и собственно «нарбутовский» тематический репертуар, сложился к моменту выхода его второй книги стихов «**Аллилуйя**» (1912). Знаменательно, что появление этой книги совпало во времени с рождением акмеизма: наряду со стихами Гумилева, собранными в книге «Чужое небо», и стихами ахматовского «Вечера», произведения Н. явились примерами акмеистической изобразительной «вещности», в частности ее «бод-

В. И. Нарбут

лерианской» версии эстетизации «низменного», плотского начала бытия. «Показался бы простой кунсткамерой весь этот подбор сильного, земляного, кражистого словаря, эти малороссийские словечки, неожиданные, иногда нелепые рифмы, грубоватые истории,— писал Н. С. Гумилев,— если бы не было стихотворения „**Гадалка**“. В нем объяснение мечты поэта, зачарованной и покоренной обступившей ее материей... И в каждом стихотворении мы чувствуем различные проявления того же, земляного злого ведовства, стихийные и чарующие новой и подлинной пленительностью безобразия» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 150). Тематически баллады Н., собранные во второй книге его стихов, восходят к худож. миру малороссийского фольклора и этнографическому бытописательству в духе жанровых сценок (этнографические очерки о Малороссии Н. публиковал в 1908). Многократно отмечалось влияние на Н. ранних «малороссийских» произведений Н. В. Гоголя. Натуралистичность произведений Н. оказывалась в строгом согласии с акмеистическим принципом «адамизма», т. е. «мудрой простоты» художника со «святой невинностью» первобытного человека, созерцающего мир (само название книги Н. связано с высказыванием С. М. Городецкого о том, что акмеисты — «новые Адамы», призванные «пропеть жизни и миру аллилуйя»). Но российская цензура не стала вникать в тонкости акмеистической доктрины, а обвинила Н. в кощунстве и пор-

нографии. Большая часть тиража книги была конфискована, а Н. счел за благо покинуть Россию. В 1912–13 Н. по следам Гумилева уезжает в Абиссинию и возвращается только после всеобщей амнистии 1913. В том же году Н. становится редактором-издателем либерального «Нового ж. для всех». Однако, не сумев разобраться в специфике издательской политики, вновь оказывается в эпицентре общественно-лит. скандала; в результате покидает столицу и уезжает в Глухов.

В 1913–15 выходят 2 книги стихов Н.— «**Любовь и любовь**» и «**Вий**», продолжающие тематику и поэтические традиции предыдущей книги. Вообще Н. остался до конца верен той версии акмеистического лиро-эпоса, которую он предложил в 1912. Даже его лирические стихи, обращенные к сокровенному миру душевных переживаний лирического героя, приобретают «вещную», грубую осязаемость образов благодаря рискованным натуралистическим метафорам (ср., напр.: «Бездействие не беспокоит: / Не я ли, супостаты, прочь! — / Стремящийся сперматозоид / В мной возлелеянную ночь»).

В годы революции и Гражданской войны Н. оказался захваченным бурными событиями на Юге России, сотрудничал с эсерами, большевиками, краткое время — с денкинцами (впоследствии это послужило формальным основанием для исключения Н. из партии и последующего ареста). Особый интерес представляет в этот период подвижническая издательско-просветительская деятельность Н. В 1918 в Воронеже он издавал ж. «Сирена», где публиковались Блок, Замятин, Мандельштам, Ахматова. Затем Н. сотрудничал в ЮРОСТА, в Одессе, где акмеистические принципы «вещной описательности», пропагандируемые Н.-поэтом, нашли отклик среди лит. молодежи. Н. сплотил вокруг себя целую плеяду писателей и поэтов (Багрицкий, Олеша, Катаев, В. Инбер и др.). Впрочем, стихи на «революционную тематику» самого Н. (сб. «**В огненных столбах**», 1920; «**Красноармейские стихи**», 1920; «**Стихи о войне**», 1920; «**Советская земля**», 1921) проигрывают на фоне произведений его талантливых «учеников».

В 1922 Н. женится на С. Г. Суок (две ее сестры были замужем за Олешей и Багрицким) и уезжает в Москву в качестве ответственного работника отдела печати ЦК РКП(б). До 1928 Н. занимает видные должности в советской издательской номенклатуре — возглавляет изд-во «Земля и фабрика», редактирует популярные ж. «30 дней» и «Вокруг света», однако затем подвергается гонениям, ис-

ключается из партии и последнее 10-летие своей жизни пребывает на положении «копального литератора». Книги «**Казненный Серафим**» и «**Спираль**» остались не опубликованными при его жизни. В последний период творчества Н. был увлечен т. н. науч. поэзией (у истоков которой еще в дореволюционную эпоху стояли чтимые акмеистами В. Я. Брюсов и Р. Гиль).

В 1936 Н. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. По всей видимости, погиб в одном из колымских лагерей.

Соч.: Стихотворения / вступ. статья, сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М., 1990.

Лит.: Зенкевич М. Владимир Нарбут // День поэзии. М., 1967; Берловская Л. В. В. Нарбут в Одессе // Русская лит.-ра. 1982. № 3; Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. Избранные стихи. Париж, 1983; Бавин С., Семибратова Н. Судьбы поэтов Серебряного века. Биографические очерки (Владимир Нарбут). М., 1993.

Ю. В. Зобнин

НАРОВЧАТОВ Сергей Сергеевич [3.10. 1919, г. Хвалынский Саратовской обл.— 27.7. 1981, Москва] — поэт, литературовед, публицист.

Родители Н. жили в Москве, но часто приезжали в Хвалынский, небольшой городок на Волге, где и родился будущий писатель. Детские годы прошли в столице. Воспитывался Н. в обычной интеллигентской семье, но корни его отцовского рода уходили в древние пензенские леса, в маленький городок Наровчат, известный уже с XIV в. Дед Н. был уездным библиотекарем, мать Лидия Яковлевна — библиографом. Дед лично знал Джона Рида и Ярослава Гашека, Алексея Толстого и Константина Федин. С 3 лет мальчик уже научился читать, а к 13 годам познакомился с главными произведениями русской и западной классики. Стихи начал сочинять с 5 лет. Подростку не было еще 14 лет, когда он вместе с родителями уехал жить в молодой г. Магадан, в котором его отец и мать стали работать в системе Дальстрой. Н. попал в первый выпуск единственной в Магадане школы-десятилетки. Основными юношескими увлечениями были охота, рыбная ловля, спорт и чтение. Первое стих. опубликовал в газ. «Колымская правда» в 15 лет. Семейные традиции привили юноше любовь к родному языку и истории.

После окончания средней школы он уезжает в Москву и в 1937 поступает учиться